

И ОТДАЛ ВОЕВОДА ЖЕНУ В АРЕНДУ...

Более 400 лет назад поход Ермака обозначил начало русской колонизации Сибири. За Урал были введены воинские отряды, построены остроги. Под защиту воинства в Сибирь ринулись любители легкой наживы, беглые крестьяне, преступники, промысловники (охотники). Всех привлекала возможность нажиться. Как испанцев в Америку влекло золото, так русских в Сибирь влекла мягкая рухляк, в основном собольи меха.

Численность жителей неуклонно росла за счет притока населения. Но это были в основном мужчины. Возникла демографическая проблема — нехватка женщин.

АРХИЕПИСКОП Сибирский и Тобольский Киприан, судя в 1622 году на место назначения в Сибирь, был свидетелем безобразного уклада жизни в Верхотурье, Тюмени и Тобольске, о чем он и доложил непосредственному начальнику, патриарху Московскому и всея Руси Филарету Никитичу. Патриарх вскоре, в январе 1623 года, отписал тобольскому воеводе Матвею Годуну о том, что «...в сибирских городах многие служилые и жилищные люди живут некрестьянскими (то есть нехристианскими) обычаями».

Чтобы у читателя сложилось представление о нехристианском образе жизни, приведу дословно цитату из патриаршего документа, адресованного в феврале 1622 г. архиепископу Сибирскому и Тобольскому Киприану: «...и с татарскими, и с остячками, и с вагулецкими поганскими женами смеаюцца и скверная деют, а иные живут с татарскими с некрещеными как есть со своими женами, и детей с ними приживают, а иные и горше того творят: поимают за себя в жены в родстве сестры свои родные и двоюродные и названные и кумы крестные, а иные де и на матери свои и на дочери блудом посягают и женятца на дщерях и на дестрах...» Патриарх в сердцах добавляет, что не только писать, но и слышать это гнусно.

Широко распространился позорный обычай отдавать своих жен в кортому (то есть в аренду). Если муж уезжал на время в Россию или уходил в далекий поход, то он оставлял за 10—20 рублей свою жену желающему, чтобы тот пользовался всеми правами мужа.

Особо развратными были купцы и торговцы, рыскавшие повсюду. Они «...прельщали женщин на блуд, обещая пойти в супружество, приживая детей, а потом бросали их». Это было так часто и возмутительно, что 29 октября 1623 года был издан указ, которым повелевалось насилием женить этих развратников на обольщенных ими женщинах. Митрополит Филофей писал об огромном количестве детоубийств, что объяснял общим развратом.

Нередко отцы семейств продавали или закладывали и забавляли своих жен, детей, родственниц. Так, в 1779 году томский казак Шелканов продал жену Прасковью крестьянину Василию Манакову за 5 рублей и игреневого коня.

В 1623 году Тобольский воевода Матвей Годун пересказал туринскому воеводе Алухтину содержание патриаршего письма, особо обратив внимание на то, что служилые люди, едучи из Москвы в Сибирь, подговаривают по городам «жонок и девок» предложением найти мужей: «...наведут их в Тобольск до 50... и учнут продавать литве, и немцам, и татарам, и в воевоцкие дворы, и пашенным крестьянам в работу». Воевода в заключение страдал: «а буде они (служилые люди) вперед так учнут делать, жонок и девок и робят учнут подговаривати и в Сибирь свозити, и учнут между себя продавати и покупати, и им за их воровство быти от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси в великом нака-

зание и в смертной казни». Но мудрый царь решил сделать наоборот. Вместо запрета он дал указание дворянину Шестакову собрать по разным городам 150 девок и жонок и конвоировать их в Сибирь.

Это мудрое решение царь принял в ответ на челобитные государственных пашенных крестьян, поселенных около Енисейского острога. Жизнь государевых крестьян, сосланных в Сибирь для хлеборобных дел, была особо тягостной. Вот как описывали свою судьбу крестьяне Енисейска в челобитной, отправленной в 1627 году царю Михаилу. Писана она крестьянином Ивашкой Семеновым от имени двадцати товарищей.

Присланы-де они были все в

присланы из Тобольска гулящих жонок, на ком женитесь». Из Сибирского приказа была отпущена грамота Тобольскому воеводе князю Андрею Хованскому, которая предписывала выдать «подможные деньги» «да жонок гулящих (то есть незамужних) и свободных, вдов и девок, из Тобольска и иных городов в Енисейский острог вели послати, потому что в Енисейском остроге пашенные крестьяне многие холостые, а без жен им быть не уметь». Князь Хованский отписал, что выдано «подможных денег» по два рубля на человека (взаимы), но «гулящих жонок и девок» не послано потому, что таких не нашлось в Тобольске.

В 1630 году такую же челобитную подал крестьянин Федор

но. Одним из способов пополнения русского общества в Сибирь женщинами было пленение их во время набегов на поселения инородцев. При этом нередко плененных пытались вывезти из Сибири, что было завуалированным рабством.

В 1635 г. тубинские «татаровья» побили девятых служилых, которые собирали с канских котлов яса. Красноярский воевода Никита Карамышев, не разобравшись в сути дела, послал против котлов, уже пострадавших от тубинцев, служилых, которые повоевали и разорили их (котлов), а жен их и детей взяли в полон. Воевода из «добычи» получил двух жонок и малюго. Одну жонку он в Красноярском остроге окрестил.

Передав воеводство в следующем году Федору Мякинину, Карамышев взял с собой котловский полон в Енисейск, намереваясь увезти его на Русь. Поскольку одна полонянка была им крещена, возвращая ее к язычнику-мужу было бы большим грехом. Котловцы в своей челобитной в 1636 г. просили лишь вернуть некрещеную женщину и малюго. Бывший Красноярский воевода Никита Карамышев пленниц (ясырок) не отдал. При

ям, сыльных жонок и девок, а также незамужних женщин, «проводящих в городе праздную жизнь». А определять сыльных женщин на поселение поручалось лично командующему линиями генералу Фраундорфу.

В Сибирь направляли даже колонию в возрасте от 19 до 40 лет. Контингент их был серьезным. Так, в одной партии из 33 колонию 20 были сосланы за убийство, четыре — за поджигательство, три — за погуби, по две — за воровство и волшебство, по одной — за кровосмешение с отцом и за укравательство преступлений. В другой партии из 42 преступниц за убийство было осуждено 23.

Колонисты без труда находили себе женихов среди крестьян и разночинцев, казаков. Офицеры брали их в услужение. Далеко не всегда такие семьи были благополучными. Буйный характер жонки и девки проявляли и в замужестве. Немало мужей лишилось жизни от их рук.

По правилам тех лет на лице колоницы выжигали отличительный знак (тавро). Однако вскоре отказались так метить женщин-преступниц, дабы не лишать их привлекательности. Однако и при нехватке жен мужья относились к ним с крайней жестокостью. Нередки были истязания и убийства. Жены платили тем же.

Дефицит женского пола закреплял обычный возраст брака и насильственного венчания. Девич захватывали в поле, в лесу, на крестьянских гулянках, на реке, где они поспокоевись. Был случай, когда украденную невесту при церковном бракосочетании насильно держали за руки и голову, чтобы при венчании она не сбросила венец. Женский дефицит в крестьянской среде поддерживался искусственно. Отец, не желая терять рабочие руки, не разрешал дочерям выходить замуж. Так, Белоярская земская управа в Алтайском горном округе в 1773 году насчитала 208 девиц в возрасте от 20 до 50 лет. Такие девицы в результате вынужденной безбрачия «...завяли себя в зорном пледении» и были наказываемы поведами. А родители наконец было приказано «...чтобы в выходе дочерей замуж препятствий отнюдь не чинили». В детстве я подслушал, как моя старшая тетка жаловалась собеседницам, что тятя (мой дед Андрей) долго не разрешил ей выходить замуж: «жалко было терять работницу».

Диспропорция полов среди населения Сибири сохранялась длительное время. В 1771 г. в приходе Змеиногорской церкви (Алтай) было 1940 мужчин и только 1084 женщины, в приходе Кольваново-Воскресенской церкви (там же) на 495 мужчин приходилось 400 женщин. В Восточной Сибири женский «вопрос» решался еще хуже.

Положение изменилось лишь с отменой крепостного права. В Сибирь хлынули переселенцы — малоземельные крестьяне из «России», истосковавшиеся по земле. В начале XX века власти это переселение провели на хорошем организационном уровне. И мой дед выбрал благодатное место в Минусинском крае на берегу Красивой реки Тубы. Демографическая ситуация в Сибири постепенно стала нормализовываться. Проведенная властями в 1917 году перепись населения показала высокую зажиточность сибирских крестьян и оптимальное соотношение мужчин и женщин. В Алтайском округе, по крайней мере, среди казачьих семей, было одинаковое количество мужчин и женщин. Женский вопрос в Сибири был решен.

**Алексей МАЛОПЕТКО, профессор
Томского государственного университета.
Фото Юрия УГОЛЬКОВА.**

Автора — с 75-летием!

6 марта 2004 года исполнится 75 лет известному сибирскому ученому, доктору географических наук, профессору Томского государственного университета Алексею Михайловичу Малопетко.

Он родился в деревне Николо-Петровка Минусинского района Красноярского края. Среднюю школу окончил в городе Черногорске в Хакасии. Затем наступили годы учебы на географическом факультете Томского университета. Тадашнему юноше предложили поступить в аспирантуру, но он попросился на работу в геологическую экспедицию. Аспирантуру окончил заочно и в мае 1965 года защитил кандидатскую диссертацию. В том же году победил в конкурсе на замещение вакантной должности доцента кафедры географии университета и переехал на постоянное жительство в Томск.

— Мои научные интересы все годы были связаны с Алтаем и Красноярским краем, — рассказывает Алексей Михайлович. — Предметом особой гордости являются результаты исследований в Заполярье, где мы изучали природу Хантайской гирсинистемы.

Ученый известен работами в области геоморфологии, палеогеографии, археологии, топонимики, этногенеза сибирских народов. Студенты университета буквально влюблены в своего про-

фессора, обладающего поистине энциклопедическими знаниями. Его ученики трудятся во многих учебных заведениях Красноярского края и других регионов России.

Алексей Михайлович — отличный популяризатор науки. Он постоянный автор «Красноярского рабочего», который, по его словам, полюбил с юности. Судя по откликам читателей, ни один его газетный материал не остается незамеченным. Например, многим запомнились опубликованные в последние месяцы статьи «Откуда вы родом, чалдонцы?», «Как казаки меняли названия сибирских рек», «Монеты знакомые и незнакомые», «Говорим по-русски» и другие.

Сегодня профессор привлекает внимание читателей «Красноярского рабочего» очередной статьёй, на этот раз посвященную некоторым любопытным страницам истории решения женского вопроса в Сибири.

1621 году, и все эти годы расплачивали новину (новую землю), перевозили из Маковского острога в Енисейск хлебные и иные припасы, «курили» вино и пиво на «остяцкие расходы», построили «государеву винную пивоварню» (для спаивания инородцев) и аманашку избу (для злодюжников), производили разные поделки по городу. Словом, все время отдавали государеву делу, даже успели «...пашиншек распахать на своих». Все эти шесть лет они терпели «великую ношу (нужду) и бедность, и голод, и наготу, и босоту». И за все время получили «подмоги» всего по 2 рубля, «мало не померли голодною смертию». Все они «...людички одинокие и холостые» и занимались домашними делами сами: «как, государь, с твоей государевой пашни придем — хлеб печем, и ести варим и толчем и мелем сами, опочиву (отдыху, сну) нет ни мал чаша. А как бы, государь, у нас, сирот твоих, женишки были и мы бы хотя избные работы не знали... Жениться не на ком, а без женишек, государь, нам быти никак не мочно». Челобитная заканчивалась криком души: «Смилуйся, пожалей нас, сирот твоих бедных, своим царским денежником жалованием на платьишко и на обувь... Вели, государь, нам

Толстихин от имени 53 таких же мучеников. Они уже не просили царя прислать им жен и девок, крестьяне просили лишь указать местным воеводам, чтобы те отпустили их «в сибирские города житья». На просьбу крестьян неожиданно откликнулся царь и великий князь всея Руси Михаил Федорович. Не надеясь на тобольские власти и зная, что там напряженка с женщинами, царь поручил некоему дворянину Григорию Шестакову приехать в Вологде, на Тотме, на Устюге Великом, у Соли Вычегодской служилым людям и пашенным крестьянам Енисейского острога на жительство 150 человек жонок и девок.

Царь был настолько уверен, что его указ будет выполнен, что сразу же приказал Верхотурскому воеводе Никифору Плещееву выделить подводы для перевозок женщин. Но Григорию Шестакову удалось прибрать только пять жонок. Доехали ли они до Енисейского острога или их «тормозили» по дороге, нам неизвестно.

Всего по-прежнему решалась женская проблема у служилых. Люди властные, энергичные, мобильные, они не беспокоили царя и великого князя челобитными. Женский вопрос решали сами, причем весьма эффектив-

возвращении на Русь его остановили на Верхотурской заставе (Зуралье) и отобрали двух девок.

Одна умерла, а вторую отдала замуж за крещеного инородца. Там же задержали торгового человека, который пытался вывезти на Русь жонку-инородку. По ее просьбе она была отпущена в Енисейский уезд к мужу.

Некрещеный ясырь возвращался на родину, а крещеные девки выдавались замуж за служилых или других людей. Взрослые ребята верстались на службу, а малолетние отдавались до совершеннолетия на прокормление служилым людям в городах, а затем также записывались на службу.

Казаки укрепленных линий Западной Сибири под видом преследования противника делали рейды глубоко в степь с целью пленения и дальнейшей продажи в рабство как мужчин, так и женщин. Полковник фон Энден, например, купил хорошею молоденькую калмычку всего за одну корову и пару суконных кафтанов. В Березовском крае (ныне Оби) девочку можно было купить еще дешевле — за 20 копеек.

В 1759 г. было указано поселять в Сибири, по Иртышской и Колыванской укрепленным лини-